

8. Ивашкевич, И. Н. К вопросу о роли перцепции в процессах вторичной номинации / И. Н. Ивашкевич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: вопросы образования: языки и специальность. – 2011. – № 2. – С. 41–46.

УДК 820-3.09 (043.3)

В. Г. Минина

ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ КАДЗУО ИСИГУРО

Статья посвящена анализу темы детства в романах британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро. Являясь магистральной темой, она сквозным мотивом проходит через все его творчество. Проблема детства выступает художественным отражением личностного опыта самого писателя и мотивом, побудившим его к началу писательской карьеры.

Ключевые слова: *Кадзуо Исигуро, тема, детство, роман, творчество, ностальгия, образ.*

Тема детства необычайно важна для Кадзуо Исигуро (р. 1954), британского писателя японского происхождения. Являясь магистральной темой его творчества, она проходит через все шесть романов писателя. Это может быть связано с тем, что у самого К. Исигуро было довольно необычное детство, которое повлияло на всю его дальнейшую судьбу. Он родился 8 ноября 1954 г. в Нагасаки. В 1960 г. британское правительство предложило его отцу, океанографу по профессии, работу в Национальном институте океанографии Великобритании, и вся семья, состоящая из отца, матери и двоих детей, переехала в Гилфорд, графство Суррей.

В детстве маленький Казуо не мог забыть Японию, в основном из-за того, что его готовили туда вернуться. По мере взросления в его голове сложился четкий образ другой, более важной, страны, с которой у него была крепкая эмоциональная связь. «Естественно, я не знал Японии, – спустя годы признается К. Исигуро, – потому что я не ездил туда. Но в Англии я постоянно мысленно создавал картину воображаемой Японии <...> [Позже] я осознал, что эта Япония, которая была мне так дорога, на самом деле существовала лишь в моем воображении, частично из-за того, что настоящая Япония сильно изменилась после 1960 года. Я

осознал, что это было место моего детства, и я никогда не смогу вернуться именно в ту Японию» [1, с. 81]. В возрасте 23–24 лет он окончательно понял, что из Японии он уехал навсегда, так и не успев попрощаться; время ожидания другой жизни закончилось, унося вместе с собой что-то очень важное и близкое сердцу. С этой мыслью необходимо было смириться. «Это были просто время, жизнь, мир, которые проходили и многое меняли в то время, когда я этого не замечал. Но в момент, когда я обратил на них свой взор, Япония уже ушла навеки» [2], – говорит писатель. Подобное душевное состояние переселенцев Э. Саид комментирует так: «К успехам изгнанника всегда примешана ложка дегтя – сознание, что оставленное на родине потеряно для тебя навсегда» [3, с. 256].

К писателю начало приходить понимание ценности своих детских воспоминаний о детстве в Японии, которые уже начинали блекнуть и увядать. Он боялся расстаться с ними и их растерять, ибо они были единственным, что связывало его с возможной, другой, жизнью. Это желание сберечь в памяти свою Японию, не дать ей уйти, и подтолкнуло Исигуро к единственно верному и надежному способу – сохранить ее на бумаге. В одном из своих интервью К. Исигуро признался: «Мне не хотелось, чтобы Япония, образ которой стал таким хрупким, чтобы Япония – эта страна памяти, размышлений и воображения – ускользнула от меня» [4]. В другом интервью писатель сказал, что Япония всегда была очень значимой в его жизни, т. к. он верил, что, в конце концов, туда вернется, «но как оказалось я так никогда туда не вернулся, – развивает свою мысль писатель. – Образ этого очень важного места под названием Япония <...> с каждым годом становился все более размытым. Прежде чем он вовсе не исчез, мне было жизненно необходимо запечатлеть его на бумаге» [5]. Помимо этого, Япония, которую он помнил, была местом его детства, к которому уже нет возврата, но если в него невозможно вернуться, то хочется хотя бы сохранить приятные впечатления, с ним связанные.

Спустя десять лет после переезда семьи в Японии скончался дедушка будущего писателя, с которым они не виделись с момента отъезда. Лишь спустя много лет Исигуро осознал, каким глубоким и знаковым событием в его жизни была эта смерть. С уходом бабушки оборвалась и связь с Японией. В первые четыре года его жизни дедушка заменял ему отца, который постоянно был в отъезде. Потом, когда они уже были в Англии, именно дедушка каждый месяц присылал маленькому Кадзуо увесистые посылки с подарками и детскими журналами – он хотел, чтобы внук был в курсе всего

происходящего, знал современных героев мультфильмов и комиксов и по возвращении домой не чувствовал себя чужим. К. Исигуро впервые навестил Японию лишь 29 лет спустя, когда в 1989 г. после успеха своего третьего романа совершал авторское турне по ряду стран. Хотя писатель много путешествовал по Европе и Америке, он намеренно избегал Японии. Объясняет он это тем, что в его сознании все близкие ему в Японии люди, включая умершего дедушку, продолжали жить, и вопреки разуму и логике размеренная и спокойная жизнь должна была там продолжаться – все в точности так, как и много лет назад. И мир его детства остался таким же, как прежде. Вернуться туда для Исигуро было равносильно преступлению – словно он заставит их умереть во второй раз, но теперь уже навсегда. «Это стало бы торжеством суровой действительности над воображением» [6], – утверждает писатель.

Проблема детства, возможно, как художественное отражение личностного опыта писателя, как чувство тоски по возможному детству в Японии, которого его лишили, необычайно важна для Исигуро, и в своих произведениях он неизменно затрагивает ее. Он говорит: «Мое детство четко разграничено в географическом смысле, а также в смысле людей, которые меня тогда окружали – все было не так, как у тех, кто вырос в одном месте. Знаете, символом моего раннего детства является для меня готовый эмоциональный слепок Японии, где жизнь казалась более наивной и защищенной. Потом была Британия – я уже был старше, и мне приходилось сталкиваться со многими проблемами. Но, возможно, это свойственно многим. Естественно, не все совершают подобный географический и культурный переход, но я имею в виду то, что почти всем нам пришлось пережить сложный процесс перехода из мира детства, в котором мы чувствовали себя защищенными. Мы совершили путешествие из мира детства в мир, который уже не изменить» [2].

Таким образом, тема детства, в той или иной мере, затрагивается писателем в каждом романе. Один из стержневых вопросов в романе «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*, 1982) связан с самоубийством юной героини Кейко. Что подтолкнуло молодую девушку из внешне благополучной семьи пойти на это? За ответом на данный вопрос читатель вместе с ее матерью Ецуко отправляется в послевоенную Японию, в то время, когда Ецуко еще и не помышляла о переезде в Великобританию, в то время, когда Кейко еще была ребенком. Главная героиня преимущественно вспоминает несколько месяцев своей дружбы с женщиной по имени Сачико, которая со своей семилетней дочерью Марико собиралась переехать в Америку.

Этот факт и наталкивает читателя на мысль о сходстве двух судеб – Ецуко и Сачико. Сопоставив некоторые факты, можно прийти к заключению, что в образе Сачико кроется ответ на загадку в судьбе Ецуко. Исходя из этого, можно с полным правом провести параллели между жизнями их дочерей – Кейко и Марико. Из двух неполных историй о девушках читатель складывает одну судьбу. Все, что он знает, – это факты из детства Марико и отдельные эпизоды из взрослой жизни Кейко, то есть начало одной судьбы и конец другой, точкой пересечения которых служит отъезд из Японии. Эта точка и сходство жизненных историй матерей дают читателю право наложить судьбы обеих девушек друг на друга, в результате чего получается единая судьба. Полученная цельная картина объясняет самоубийство Кейко, корни которого прослеживаются в детстве маленькой Марико, которая всячески противилась переезду из Японии, грубила матери, убегала из дому, словно предчувствовала, что ей будет сложно в чужой стране. Так и оказалось: в Великобритании, как читатель видит уже на примере Кейко, девушка все больше и больше замыкалась в себе, чувствовала себя ненужной ни в семье, ни в чужой ей стране, в которой ей так и не удалось ассимилироваться. В этом романе мы, вероятнее всего, сталкиваемся с размышлениями самого автора о судьбе иммигранта, о возможных вариантах развития событий при вынужденном переселении в инородную среду.

В романе «Художник зыбкого мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986) главный герой пытается наладить отношения со своим внуком: водит его в кино и кафе, они вместе гуляют, много разговаривают, дедушка пытается понять внука, прислушаться к нему. Тем самым крепнет связь поколений: престарелый герой видит в своем внуке продолжение себя, своего рода, своих надежд и словно черпает силы в искренности, непосредственности и неумном фонтане детской энергии своего внука; в свою очередь внуку он передает свою житейскую мудрость, спокойствие, уверенность, что он не один, что у него всегда будет поддержка.

В следующем романе писателя, «Остаток дня» (*The Remains of the Day*, 1989), автором в наименьшей степени развивается тема детства, однако в произведении присутствуют взаимоотношения между престарелым отцом и уже взрослым сыном. Читателю представлено словно зеркальное (или перевернутое) отражение отношений «родитель-ребенок»: в данном случае настал черед сына заботиться об отце, ухаживать за ним, приглядывать, дабы не случилось ничего плохого.

Герой романа «Безутешные» (The Unconsoled, 1995) Райдер – музыкант с мировым именем. Но в его душе до сих пор не зажила детская рана: неприятие его родителями таланта сына; он продолжает считать, что не оправдал ожидания своих родителей. Его постоянно преследует навязчивый страх перед провалом, внушенный еще в детстве родителями. Он снова и снова пытается разобраться, когда все пошло не так, как следует. Он одинок и несчастен. Даже музыка не приносит успокоения, и порой ему даже кажется, что он не умеет играть. По этой причине целью его жизни стала навязчивая идея: изменить прошлое, попытаться переписать его, представить альтернативную реальность и воплотить ее в жизнь – сыграть так, чтобы его талант увидели и, наконец, оценили родители. Все его мысли только об одном – о концерте, на котором будут присутствовать родители; им движет надежда, что ему удастся заслужить их любовь. Тогда, как он считает, вся его жизнь пойдет иначе. Герой словно продолжает жить в своем детстве: детские обиды его не отпускают, он неуверен в себе, живет с оглядкой на родителей. К сожалению, его родители так и не пришли на концерт – К. Исигуро доказывает, что нет смысла быть одержимым альтернативной реальностью, наша жизнь такая, какая есть, мы просто должны принять ее и идти дальше, то есть повзрослеть.

Протагонист романа «Когда мы были сиротами» (When We Were Orphans, 2001) детектив Кристофер Бэнкс – сирота. Он тоскует по родителям: по всему тому, что они могли бы ему дать. Однако он, как и все исигуровские рассказчики, не говорит об этом – о его истинных чувствах читатель догадывается по отдельно брошенным словам и отрывочным фразам, как, например, по словам его друга Акиры, произнесенным на ломаном английском: *Когда мой мальчик понимает, что мир нехороший <...> Я хочу быть с ним. Помогать ему* [7, с. 267]. Читатель понимает, что в сложные моменты Кристоферу так не хватало родителей, не хватало их тепла, заботы, защиты – всего того, чего они ему не успели и уже не смогли дать.

Родившись в Шанхае, после исчезновения родителей он вынужден переехать в Британию, где он чувствует себя чужим и аутсайдером. Таким он и остался на протяжении всей своей жизни, так полностью и не ассимилировавшись в британское общество. Он одинок и потерян – у него нет ни родителей, ни родины. Люди признают его талант, ценят его, но нигде Кристофер не чувствует себя уверенно. Только вновь приехав в Шанхай, он понял, что вернулся домой, словно в детство: *За все годы, что прожил в Англии, я ни разу не почувствовал там себя дома. Международный сеттльмент всегда будет моим домом* [7, с. 260], – говорит он.

Осознавая трагедию сиротства, Кристофер полон идеалистических и наивных иллюзий спасти мир от надвигающейся Второй мировой войны, тем самым, сохранив детям не только их родителей, но и счастливое детство. Размышляя об искалеченных войной судьбах детей, Кристофер говорит: *Когда мы были мальчишками <...> мы жили в добром мире. А эти дети <...> Как ужасно, что им так рано довелось узнать, насколько гнусной бывает жизнь* [7, с. 267]. В одном из интервью К. Исигуро говорит о чувстве растерянности и утраты, когда ребенок взрослеет и понимает, что окружающий его мир не такой дружелюбный, каким он казался в детстве. И выход из защитного панциря всегда оказывается необычайно болезненным: «Все эти вопросы об утраченном рае и детстве, естественно я о них думал, но мне кажется, так происходит со всеми. Может, не все из нас чувствуют это так остро. Но я считаю, что когда мы были детьми, взрослые договорились между собой, очень по-доброму договорились, продемонстрировать нам, что мир намного лучше, чем он есть на самом деле. Я заметил это, когда моей дочери, которой сейчас восемь, было два, ну от силы, три года; когда мы гуляли с ней по улице, взрослые, будто сговорившись, улыбались ей, начинали с ней ласково сюсюкать, зайти мы в какой-нибудь магазин. Это происходит само собой, и, естественно, когда ты, достигнув определенного возраста, начинаешь трезво оценивать все темные стороны внешнего мира, ты понимаешь, что твоему ребенку придется выйти из этого защитного панциря, и все, что тебе остается, это попытаться сделать этот процесс постепенным. <...> тем из нас, кому повезло жить в подобном панцире, в определенном возрасте пришлось совершить это немного грустное путешествие из панциря в реальный мир. И мне кажется, что у всех нас было легкое чувство разочарования по поводу того, что мир – это не то прекрасное и гармоничное место, в реальности которого убеждали нас родители. Я думаю, то чувство разочарования до сих пор живет в нас» [8].

Так и родители главного героя из «Когда мы были сиротами» попытались продлить его детство: свое исчезновение и уход отца мать Кристофера устроила так, что Кристофер видел во всем только тайну – тайну, которые он так любил разгадывать в детстве. Это была игра, вместе с которой продолжалось и его детство. Читатель видит, что даже взрослый Кристофер не был, а скорее играл в детектива. Для него реальность была всего лишь детской увлекательной игрой. Уже после того как протагонист узнал правду о своем мнимом сиротстве – отец ушел к любовнице, а мать продалась в рабство ненавистному ей опиумному магнату, чтобы обеспечить сыну безбедное

существование, его дядя сказал ему: *Но теперь ты видишь, каков наш мир на самом деле. <...> Твоя мать хотела, чтобы ты всегда жил в своем зачарованном мире. Но это невозможно. В конце концов, он неизбежно должен был рухнуть. Чудо уже и то, что ты просуществовал в нем так долго* [7].

В романе К. Исигуро «Не отпускай меня» (Never Let Me Go, 2005) тема детства освещается немного в необычном ракурсе: повествование ведется от лица клона, изначально лишённого и родителей, и дома. Заглавие романа «Не отпускай меня» – это название песни, которую исполняет в романе вымышленная певица Джуди Бриджуотер. Главная героиня Кэти с детства не расставалась с кассетой с ее песнями. Однажды воспитательница пансионата стала свидетельницей трогательной и печальной картины: Кэти танцевала в комнате, держа в руках подушку вместо младенца, и напевала строки из песни: «Детка, не отпускай меня». Эта сцена потрясла женщину: она увидела маленькую девочку, стоящую на пороге новой и жестокой жизни и просящую детство не отпускать ее.

У Кэти было непреодолимое желание иметь дом, семью, близких. Она воображала себя матерью, которой никогда не могла стать, и одновременно маленькой девочкой, оказавшейся на руках матери, чего у нее в жизни никогда не было. Они обе молят друг друга – не отпускай меня, защити меня, появись в моей жизни. И мольба продолжается, мольба уходящих в небытие клонов – не отпускай меня, защити меня. А если нет возможности не отпустить и продлить жизнь, – то хотя бы храни в памяти.

Подводя итог, можно сказать, что все романы Исигуро повествуют об одиночестве человека, его желании привязаться к кому-то, почувствовать тепло и близость другого человека, дабы избежать леденящего душу холода тоски и пустоты. Самым тяжелым периодом в жизни человека, по мнению К. Исигуро, является взросление: это чувство одиночества и «непринадлежности» ни к чему, это процесс перехода к полному осознанию себя взрослым человеком. Мы все, даже будучи взрослыми, с трудом прощаемся с детством, не хотим, чтобы оно уходило безвозвратно.

Список использованной литературы

1. Ishiguro, K. Wave Patterns: A Dialogue / K. Ishiguro, K. Oe // Grand Street 10.2, 1991. – P. 75–91.

2. Interview with K. Ishiguro by Chapel, J. [Electronic resource] / J. Chapel. – Mode of access: www.theatlantic.com/unbound/interviews/ba2000-10-05.htm. – Date of access: 09.03.2019.

3. Саид, Э. Мысли об изгнании / Э. Саид; пер. С. Силаковой // Иностранная литература. – 2003. – № 1. – С. 252–262.

4. Ishiguro's Interview [Electronic resource]. – Mode of access: www.brothersjudd.com/index.cfm/fuseaction/reviews.detail/book_id/364/Pale%20View%20of.htm. – Date of access: 09.03.2019.

5. Interview with K. Ishiguro [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.theatlantic.com/doc/200504u/int2005-04-07>. – Date of access: 09.03.2019.

6. Interview with K. Ishiguro by Richards L. [Electronic resource] / L. Richards. – Mode of access: <https://www.januarymagazine.com/profiles/ishiguro.html>. – Date of access: 09.03.2019.

7. Ishiguro, K. When We Were Orphans / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 2001. – 314 p.

8. Ishiguro's Interview [Electronic resource]. – Mode of access: www.csulb.edu/~bhfinney/ishiguro.html. – Date of access: 09.03.2019.

УДК 811.112.2'373.43

А. П. Нарчук

НЕМЕЦКИЙ «НОВОЯЗ» КАК РЕЗЕРВ ДЛЯ ЯЗЫКОВЫХ ИННОВАЦИЙ В БУДУЩЕМ

В статье освещаются результаты, достигнутые в ходе исследования нового явления, получившего в лингвистике название «новояз». Целью статьи является изучение важнейших черт немецкого новояза как языковой формы особого типа. Установлено, что, отказываясь от грамматических излишеств, немецкий новояз демонстрирует более демократичную форму выражения. Изложенный в данной статье материал подтверждает положение о том, что внутри новояза зарождаются новые языковые элементы и расширяются функции существующих элементов, которые могут переноситься на нормированный немецкий язык.

Ключевые слова: *устная разговорная речь, письменная форма языка, новояз, каузальность, строй предложения, придаточное предложение, союз, порядок слов, коммуникация, языковые изменения.*